

ВЕЙНЕРТ Я. А. и Н. В. — ПЕШКОВОЙ Е.П.

ВЕЙНЕРТ (урожд. Влядих) Ядвига Адольфовна, родилась в 1885 в Можайске Московской губ. Получила высшее образование. Проживала в Ленинграде, работала в Педагогическом институте, ассистент. Вышла замуж за Николая Владимировича Вейнерта, в семье — пятеро детей.

ВЕЙНЕРТ Николай Владимирович, родился в 1880-х. Получил высшее образование. Проживал в Ленинграде, работала в Педагогическом институте, ассистент. Женат на Ядвиге Адольфовне Вейнерт, в семье — пятеро детей.

Осенью 1929 — Николай Владимирович и Ядвига Адольфовна Вейнерты были арестованы, 1 декабря приговорены к ограничению проживания на 3 года (-6). 4 декабря 1929 — они обратились с заявлением в ОГПУ.

<4 декабря 1929>

«Ассистентов Госуд<арственного>
Педагогического Ин<ститу>та
Николая Влад<имировича> Вейнерт
и Ядвиги Адольфовны Влядих-Вейнерт.

Заявление

Я и моя жена получили распоряжение ГПУ о выезде из Ленинграда (получено 8/XII, выезд назначен 15/XII). В виду того, что у нас остается в Ленинграде 5 (пять) человек малолетних детей и мать 72 лет, а также научная библиотека 3000 томов (орудие производства), кроме того я и моя жена вновь приняты на работу: она в Политпросвет, я в Гос<ударственный> Педагогич<еский> Ин<сти>тут (с сентября м<еся>ца) и принуждены ее заканчивать, я прошу исходатайствовать оставление нам права как научным работникам на самоуплотнение, согласно законов, которое я и моя жена могли бы осуществить до выезда, несмотря на распоряжение о выезде, это одно только могло бы привести к тому, что над детьми было бы организовано попечительное и физическое наблюдение, и они не были бы брошены на произвол судьбы, т<ак> к<ак> наказываются не они, а мы.

Кроме того, по линии нашей многосемейности и неизлечимой моей болезни (бронхиальная астма) просили поддержать наше заявление, пересланное Главполитпросветом по поручению Н.К. Крупской (№ 409 10/XII) в Комиссию частных амнистий ЦИК СССР.

Н. Вейнерт.

4/XII 1929 г<ода>.

Адрес: Ленинград, пр<оспект> Красных Командиров №7, кв<артира> 3»¹.

Николай Владимирович и Ядвига Адольфовна Вейнерты поселились в Ярославле, Ядвига Адольфовна работала заведующей бытовой секции в отделении Политпросвета в Баче Ярославской области; Николай Владимирович работал в отделении Политпросвета в Баче. В декабре 1930 — они обратились с заявлением в ОГПУ.

<11 декабря 1930>

«В ОГПУ

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 405. С. 28. Автограф.

Николая Владимировича и
Ядвиги Адольфовны Вейнерт,
проживающих в Ярославле,
Тверицах по Союзной ул., д. № 53

Заявление

10-го декабря Ярославское ОГПУ предложило нам выехать в недельный срок в округ (окружное -6).

Так как Малой Коллегией ОГПУ мы приговорены 1/XII 1929 г<ода> к -6 по СССР, без прикрепления к какой-либо местности, и г<ород> Ярославль избрали добровольно, то такое распоряжение, прикрепляющее нас к Ивановской области, усиливает наше наказание, противореча и изменяя постановление Малой Коллегии, почему просим его отменить и оставить нас в г<ороде> Ярославле.

Причины, заставляющие нас настаивать на г<ороде> Ярославле:

Наличие работы, дающей нам возможность высылать часть заработка семье, состоящей из пятерых детей школьного возраста и матери 72 л<ет>.

Признание полезности нашей работы, что подтверждается характеристиками и ходатайством, возбужденным перед ОГПУ о нашем оставлении в школе.

Состояние нашего здоровья — у меня тяжелая неизлечимая астма, у жены — порок сердца, что может быть похтверждено удостоверениями врачей.

Время пребывания нашего в Ярославле, считая с начала, 1 год 9 месяцев. После постановления второй год.

Так как срок нашего выезда назначен 18-го декабря с г, то до решения нашего заявления просим срочно дать разрешение на отсрочку выезда.

Ярославль 11/XII 1929 г<ода>.

Н. Вейнерт.

Я. Влядих-Вейнерт»².

В те же дни Ядвига Адольфовна Вейнерт обратилась за помощью и к Екатерине Павловне Пешковой.

<12 декабря 1930>

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Решаюсь обратиться к Вам с просьбой передать наше заявление в ОГПУ и ходатайствовать об оставлении нас в Ярославле.

Осуждены мы с мужем на минус 6 (без прикрепления) постановлением Малой Коллегии ОГПУ от 1/XII - 29 г<ода>, Ярославль выбрали сами, прожили здесь уже (со времени начала нашего дела прошел год и 9 месяцев).

Вначале очень бедствовали, не имея средств к существованию. Семья наша (пять чел<овек> ребят школьного возраста и моя мать 72 лет, больная) живет в Ленинграде; первое время тоже должна была существовать продажей домашних вещей, т<о> е<сть> отказывать себе в самом необходимом. Летом мы получили в школе Дозауч работу, что дает нам возможность посылать семье часть заработка.

Работа наша положительно оценивается школой, что подтверждается как приказами по школе, так и данной нам характеристикой.

В настоящее время школа возбуждает ходатайство перед местным ОГПУ об оставлении нас на работе.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 486. С. 379. Автограф.

Для нас отрыв от Ярославля в настоящее время повлечет за собой безработицу, т<о> е<сть> опять голод семьи и <нрзб.> непосильные расходы на дорогу, заботы о приискании помещения, что особенно трудно ввиду жилищного кризиса в населенных местах.

Положение осложняется состоянием нашего здоровья. Муж давно страдает астмой, у меня обнаружился порок сердца.

Краткость оставленного нам для сбора срока не дает возможности подтвердить заявление соответствующими документами; они могут быть присланы позже.

Если невозможно отменить решение местного ОГПУ, то просим хоть о продлении срока нашего пребывания в Ярославле, по крайней мере, до окончания ближайшего выпуска школы, т<о> е<сть> до 15/1 - 1931 г<ода>.

Эта отсрочка предупредит ломку школьной жизни, нас же устроит в том отношении, что дает возможность сделать попытку получить работу в районе или области.

Выехать нас обязали 18/XII, поэтому большая к Вам просьба прислать ответ скорой почтой и нам, и в ОГПУ (в случае благоприятного ответа).

К письму прилагаю:

1. Заявление в ОГПУ

2. Заявление без указания учреждения - на Ваше усмотрение.

3. Марки для ответа срочной почтой или телеграммой. Живем мы за городом, почта по нашему домашнему адресу запаздывает иногда на несколько дней, поэтому большая просьба ответить по адресу школы, где мы работаем.

Ярославль, 6, Советская школа. Вейнерт.

Ядвига Адольфовна Влядих-Вейнерт.

12/XII

Ярославль, Тверицы 53»³.

22 декабря 1930 — заведующий юридическим отделом Помполита обратился с заявлением в ОГПУ.

«ОГПУ

Заявл<ение> ВЕЙНЕРТ Ник<олая> Вл<адимировича> и Ядвиги Адольф<овны> с просьбой об оставлении их в г<ороде> Ярославле, где они отбывают срок ограничения без прикрепления, и откуда им предписано выехать в округ.

Просьба дать телеграфное распоряжение за наш счет об оставлении их в Ярославле, т<ак> к<ак> они имеют ограничения без прикрепления и, следовательно, имеют право проживать в Ярославле»⁴.

Супругам Н. В. и Я. А. Вейнерт пришлось выехать в Кинешму, так как ответная телеграмма из Помполита опоздала и затем затерялась на почте. В Кинешме супруги оказались без работы, и никаких вакансий не предвиделось, о чем Ядвига Адольфовна писала Е. П. Пешковой, прося помощи для больных детей, оставшихся в Ленинграде с престарелой бабушкой. В середине января 1931 — не получил ответа, Ядвига Адольфовна вновь обратилась к Екатерине Павловне Пешковой.

<16 января 1931>

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Около 12/XII я обратилась к Вам с просьбой передать в ОГПУ

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 486. С. 391. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 486. С. 380. Автограф.

заявление об оставлении меня и мужа в Ярославле, куда мы были высланы из Ленинграда, без прикрепления.

Ваша ответная телеграмма о том, что заявление подано, и чтобы мы просили пока отсрочки, запоздала на 1½ суток, была потом в заказном письме переслана мне в Кинешму, по дороге затерялась. Наш переезд сюда, как можно было ожидать, лишил нас работы, т^ак^ак^к здесь все места заняты и до конца учебного года, т^о е^{сть} до осени 31 г^{ода} вакансии не предвидятся.

Отсутствие заработка в настоящее время особенно тяжело потому, что у меня в Ленинграде больны дети одновременно гриппом, ангиной, свинкой, а средний — был болен воспал^{ением} легких и плевритом. Всем им сейчас нужно усиленное питание, а мы не сможем дать даже самого необходимого.

Необходимость найти заработок ставит перед нами вопрос либо о возвращении в Ярославль, либо о переезде в другой город области.

Отсюда моя просьба к Вам, сообщить заказным письмом о результате нашего заявления.

Повторяю, мы были высланы без прикрепления; сейчас в Ярославле нам (не персонально) было дано новое, минус шесть, местное. Значит ли это, что в случае не нахождения здесь работы, мы не можем искать ее в другом месте? И, если придется просить о работе в другом городе Ивановской области, то куда подавать заявление: в Кинешму? в Иваново? через Вас в центр?

Кроме того, летом, через Ленинградское отд^{еление} Вашего Общества дети подавали наше заявление о пересмотре нашего дела. Результатов еще не знаем. Может, если это Вас не очень затруднит, можно просить Вас узнать и об этом.

Наконец еще один, последний вопрос.

Постановление Коллегии о нашей высылке состоялось 1/XII - 29 г^{ода}; арестованы мы были 13/III - 29 г^{ода}, причем, я находилась под стражей 2½ мес^{яца}, а муж 4½ мес^{яца}: так можем ли мы рассчитывать на то, что время нашей высылки исчисляется с момента нашего ареста и, если нет, то что надо сделать, чтобы оно было зачтено?

Прошу извинить как самый факт беспокойства Вас письмом, так и большое количество вопросов, с которыми я к Вам обращаюсь.

Если ответ на все почему-нибудь вызовет затруднение, буду признательна за ответ хотя бы по части вопросов.

На ответ прилагаю 5 марок по 10 <копеек>.

Адрес: Кинешма, Ямская Слобода, Петровская ул^{ица}, д^{ом} 25.
Вейнерт-Влядих Ядвига Адольфовна

16/I <19>31 г^{ода}»⁵.

28 января 1931 — супруги были арестованы, привлечены к следствию по групповому делу, отправлены в Ленинград и заключены в тюрьму. В июне 1931 — Николай Владимирович был освобожден из тюрьмы под подписку о невыезде. В июле 1931 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<2 июля 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Опять приходится прибегать к Вашей защите, Вы одна для всех, а горе безгранично.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 486. С. 383-384. Автограф.

Нас с женой без вины выслали из Ярославля в Кинешму, а 28/1-31 г<ода> мы оба были арестованы и переведены в Ленинград в связи с новым обвинением за контрреволюционную работу в отделении Бачи Политпросвета (58-11). Меня через 5 мес<яцев> отпустили под подписку домой, жена же и др<угие> остались в ДПЗ. Дело очевидно в Москве.

Работали мы в Баче с 1918 г<ода>. В 1923-24 г<одах> Политпросвет организовал семинарий по изучению села. При приеме слушателей зав<едующий> Бачей Краснуха и партийные общественеды произвели тщательный отбор.

На одном из заседаний официально было постановлено продолжать углубленную работу и зимой (т<ак> к<ак> семинарий продолжался всего 2 месяца). В виду того, что среди семинаров значилось много, живущих в селе и работающих в Шибанах, было постановлено собираться раз в месяц вечером у нас.

Зав<едующая> Политпросветом не только не протестовала против этого, но сама бывала на этих собраниях и делала доклад. О каждом собрании сообщали пом<ощнику> зав<едующего> Черешкову и настоятельно требовали являться на них. В 1926 г<оду> из Бачи ушла Краснуха. Ядвига Адольфовна тоже принуждена была уйти из зав<едующей> бытовой секции (ее заменила Рубец) и до 1929 г<ода> работала только как рядовая руководительница. В 1929 г<оду> мы переехали в Ярославль и до ареста работали по подготовке кадров в связи с развертыванием 5-ти летнего плана по рабочему образованию. О нашей работе на протяжении 25 лет у нас есть отзывы многих партработников. Одна наша вина в том, что мы ни у кого не могли найти руководства для проведения работы в связи с диалектическим материализмом и строили ее на социально экономической базе. Но нужно принять во внимание, что работа велась с 1918 по 1925 г<од>, когда этот метод в применении к экскурсионной работе не был еще вовсе разработан, а мы сами не сумели с этим справиться. Краснуха делала попытки избыть этот недостаток, ее же заместители Черешков и Чуда не справились с ответственной педагогической работой, будучи собственно только прекрасными организаторами. Благодаря тому, что во главе дела были не специалисты, дело, конечно, разваливалось, и особенные нарекания начались тогда, когда мы вовсе уже не работали в Баче (1930 г<од>). Все парт<ийное> начальство, руководившее работой, осталось в стороне. Я всего проработал по рабочему образованию 30 лет, жена 25 лет.

И вот за это все жену посадили в одиночку, держат ее без передачи, без питания, книг, газет и прогулок 66 суток, допрашивали 25 раз и сейчас еще держат в одиночке. Считаюсь с тем, что ей 46 лет, что она потратила много сил на рождение 6-ти человек детей, что в 1929 г<оду> она уже отсидела 2 мес<яца>, что 2 года мы были оторваны от 5-х детей и 75 летней бабушки, брошенных без средств на произвол судьбы и конец 1930 г<ода> сильно голодали, после ареста потеряли все наше имущество, брошенное в Кинешме, за 14 лет нашей революции мы не имеем ни одного отпускного дня (из-за матер<иальной> нужды), страдая малокровием и сильным неврозом сердца, после всех незаслуженных, жестоких мук она доведена была до крайнего психического и физического изнурения и принуждена была подписать неправильную формулировку самой работы (самой ей не разрешили писать), не имея возможности достаточно редактировать написанное. Как же быть теперь, Екатерина Павловна, неужели молчать?

Работая все 14 лет вместе с женой, я присутствовал на всех заседаниях семинария и знаю всю работу ее, она видная <нрзб.> родного яз<ыка> (Ком<мунистический> университет и Рабочий Университет) и предана делу, знаю, ручаюсь, что она никакого преступления перед

сов<етской> властью не совершала, работала всегда свыше сил и имеет громадные заслуги перед страной за самоотверженную работу, да и в настоящее время могла бы приносить громадную пользу государству, подготавливая кадры преподавателей. Между тем, нас хотят раздавить, как всяких вредных насекомых. Я считаю это недопустимым в стране Советов, не могу молчать, требую пересмотра дела и выпуска ее из заключения, свободного допроса, прекращения незаслуженного, оскорбительного 4 летнего преследования. Все живут, и мы хотим жить, работать, приносить пользу. В печати представители власти говорят о том, чтобы беречь специалистов, мы труженики; мы хотим работать, пусть дадут возможность нам работать!

Если же находят, что работа наша вредна, пусть расстреляют нас вместе, да и 5-х детей наших тоже, мы умрем в полном сознании наших заслуг перед рабочим классом.

Если соберу деньги, приеду в Москву, пока хочу написать мотивиров<анный> протест тов<арищам> Крыленко, Вышинскому, Катаньяну, Красикову, так как наше дело сейчас в Москве и скоро будет рассматриваться. Посоветуйте, ради Бога, что делать? В связи со старым делом в декабре 1929 г<ода> через гр<ажданина> Гартмана мы подали заявление о пересмотре нашего дела, ссылаясь на противоречия в показаниях нашего обвинителя, протоиерея Паозерского (?), данных в марте, и в октябре, изобличающих его во лжи, между тем, ответа на это заявление нет. С 1/XII 1929 г<ода> прошло 1 год 6½ мес<яцев>, со дня ареста 2 года 3 мес<яца>, мне же засчитали 4½ мес<яца> сидение в тюрьме. Если ответ на это заявление есть, то мне очень важно знать его. В Ленинграде я, по-видимому, нахожусь временно, т<ак> к<ак> меня могут направить в Кинешму, почему я прошу Вас не забыть ответить мне на оба вопроса как можно скорей.

Простите за все, но больше у нас никого нет.

Адрес мой: Ленинград, пр<оспект> Красных Командиров, д<ом> №7, кв<артира> 3.

Николай Владимирович Вейнерт.

2/VII 1931 г<ода>.

P.S. Если бы можно было надеяться, что вы сами примите дело и поговорите о величайшей несправедливости. Жена и др<угие> больные и слабые женщины из Бачи были направлены в чрезвычайно тяжелые условия, до темной комнаты включительно. Н.В.Н.»⁶.

В начале сентября 1931 — Ядвига Адольфовна была приговорена к 3 годам ссылки в Северный край. 21 сентября 1931 — Николай Владимирович подал заявление в ОГПУ

«В П<олномочное> П<редставительство> ОГПУ

Вейнерта Николая Владимировича,
проживающего по пр<оспекту> Красных
Командиров д<ом> №7, кв<артира>3

Заявление

Вследствие сердечной болезни и по возрасту моей жены Вейнерт-Влядих Ядвиги Адольфовны прошу разрешить: 1) ехать нам в Северный край на свой счет и 2) вследствие неустроенности семьи, состоящей из пяти человек детей и матери 75 лет (я и жена пробыли вне семьи в высылке 1 год и 8 месяцев), отпуск на два месяца нам обоим для устройства детей.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 486. С. 386-389. Автограф.

Н. Вейнерт

21/IX 1931 г<од>

В октябре 1931 — Николай Владимирович Вейнерт вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«21/X - 31 г<од>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Недели две тому назад вновь начались репрессии в отношении моей жены Ядвиги Адольфовны Вейнерт-Влядих. Свидание с пятью детьми и матерью, которых она не видела 2 года, — было отменено из-за "некоторых осложнений", как мне сказали.

После 9 месяцев сидений в одиночке (без частого движения), в общую не переводят, ее совершенно расстроенное здоровье не сможет выдержать новых моральных и физических мучений.

Нельзя ли ей чем-нибудь помочь, или ждать конца и в случае чего куда хлопотать?

О результатах моих заявлений ничего не знаю.

Все что Вы узнаете о деле, сообщите мне, вся семья совершенно обессилена от всего продолжающегося 3 года.

Простите, что часто Вас беспокою, но Вы сами знаете, что обратиться кроме Вас не к кому.

Н. Вейнерт.

Адрес: Ленинград, пр<оспект> Красных Командиров, 17,
кв<артира> 3»⁷.

В середине 1934 — Николай Владимирович и Ядвига Адольфовна Вейнерт вернулись в Ленинград⁸; Ядвига Адольфовна преподавала в школе. 21 июня 1937 — арестована, 26 июня 1939 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Якутию⁹.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 486. С. 395. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 924. С. 97-98.

⁹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.